

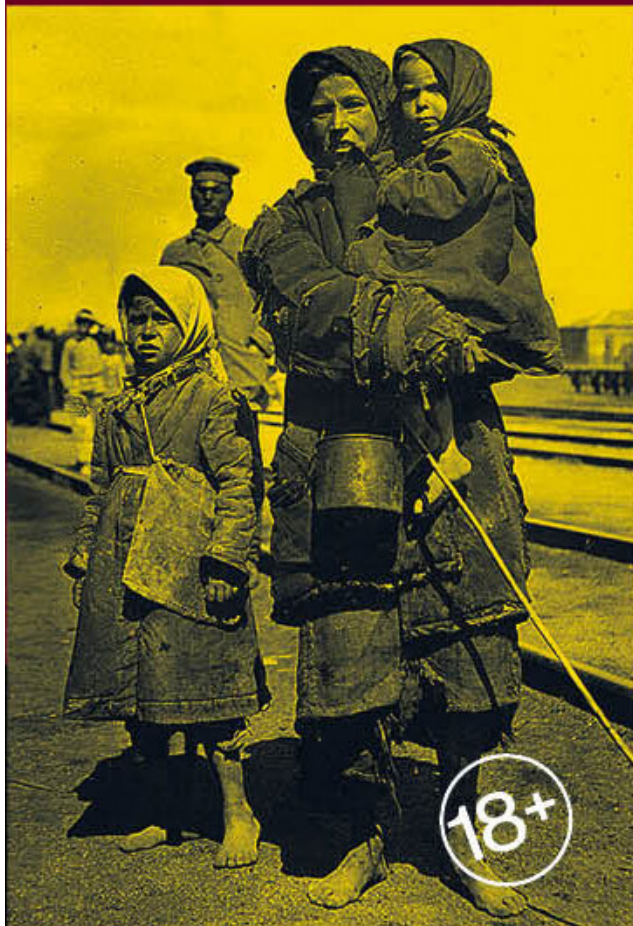


Дуглас  
СМИТ

# Российская МИССИЯ

Забытая история о том, как Америка  
спасла Советский Союз от гибели

CORPUS



18+

ДАР АМЕРИКАНСКОГО НАРОДА

A.R.A

HERBERT HOOVER  
CHAIRMAN



Документальный триллер о самой масштабной  
гуманитарной акции XX века

Дуглас Смит

**Российская миссия. Забытая  
история о том, как Америка  
спасла Советский Союз от гибели**

«Corpus (АСТ)»

2019

УДК 94[(47+57)+73]  
ББК 63.3(2)6+63.3(7Сое)

**Смит Д.**

Российская миссия. Забытая история о том, как Америка спасла Советский Союз от гибели / Д. Смит — «Corpus (АСТ)», 2019

ISBN 978-5-17-127544-0

В 1921 году в России начался страшный голод. Чтобы остановить его, новое советское правительство под руководством Владимира Ленина пригласило Американскую администрацию помощи, детище Герберта Гувера, спасти коммунистическую Россию от разорения. За два года небольшая группа отважных американцев накормила более десяти миллионов человек. Это была крупнейшая гуманитарная операция в истории, предотвратившая гибель бесчисленного количества людей, массовые волнения и, вполне возможно, крах коммунистического государства. Спустя сто лет мало кто помнит об этих событиях. Советское правительство быстро стерло память об американской помощи. Дуглас Смит воскрешает американскую миссию по оказанию помощи из безвестности. История АРА — это политические интриги, приключения и романтика, но прежде всего — бескомпромиссный альтруизм и любовь к ближнему. «Российская миссия» представляет собой захватывающий отчет о совместных усилиях по предотвращению кризиса, которым не было равных ни до, ни после. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94[(47+57)+73]  
ББК 63.3(2)6+63.3(7Сое)

ISBN 978-5-17-127544-0

© Смит Д., 2019  
© Corpus (АСТ), 2019

# Содержание

Пролог	9
1921 год	12
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

# Дуглас Смит

## Российская миссия. Забытая история о том, как Америка спасла Советский Союз от гибели

*Посвящается Стефани*

*И жжжет, и палит. В полуденном зное Вся жизнь замерла. В  
заснувшем покое Земля разметалась и тайну хранит.*

*Ни звука. Порою лишь вихрь налетит, Промчится по пашне  
столбом огненным И, к небу взметнувшись, исчезнет, как дым. Бездонное  
небо сурово и строго: Там пусто, там умерли боги*

*И больше не внемлют страданьям людей.*

*Иссохла земля – нет больше ни рос, ни дождей. Кормилица нива,  
что тешила взоры Простором колосьев, безбрежных как море, Не радует  
больше людские сердца.*

*Дыхание смерти над миром, печаль без конца.*

*А. Гележе,  
Бугуруслан, Россия, 1922 год<sup>1</sup>*

*Может показаться, что пытаться убить людей интереснее,  
чем пытаться сохранить им жизнь, но не стоит полагать, что это  
действительно так.*

*Джордж Макклиток,  
Американская администрация помощи, Самара, Россия, 1922 год*

Douglas Smith  
The Russian Job  
The Forgotten Story of How America Saved the Soviet Union from Ruin

---

<sup>1</sup> Дубровина Е. Н. *Голод в Средневолжском крае в 20-30-е годы XX века*. Самара, 2014. С. 439–440.



Published by arrangement with Farrar, Straus and Giroux, New York.

Перевод с английского Евгении Фоменко

© 2019 by Douglas Smith

© Е. Фоменко, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

Douglas Smith

## Пролог

### Ужасающее открытие мистера Вольфа

Осенью 1921 года в официальных рапортах стали появляться шокирующие новости. Когда в начале января 1922-го председатель местного сельсовета товарищ Марков обыскал дом бедного крестьянина Бартенева в селе Бартеновка Пугачевского уезда, он нашел большую кадку свежего мяса. Заподозрив неладное, Марков спросил Бартенева, что это за мясо, и Бартенов признался, что в кадке человечина. Он сказал, что накануне вместе с голодающими родственниками убил незнакомца, который остановился у них на ночь. Марков докладывает: “Зарезали вместе с женой, сняли кожу, вынули все внутренности (даже распорол и очистили кишки), голову, ступни ног, кисти рук зарыли во дворе в снегу, а печень, легкие и сердце 6 января зажарили и съели. В вынутом из печи чугуна со щами оказалось вареное человеческое мясо”.

В соседней Ивановке женщину застали за поеданием трупа мужа, умершего от голода. Когда шокированные власти попытались унести останки из дома, чтобы похоронить как полагают, она запротестовала, крича: “Не отдадим, съедим сами, он наш собственный, этого у нас никто не имеет права отобрать”. Примерно в то же время в селе Ивантеевка арестовали двух женщин, Волкову и Дружинину, – они убили четырнадцатилетнюю девочку, тело которой затем разрезали, приготовили и съели. Некоторые из этих историй начали просачиваться в прессу. Даже в *The New York Times* в мае 1922 года вышла статья о выставке кошмарных фотографий каннибалов и их жертв, устроенной в Кремле, неподалеку от приемной Ленина<sup>2</sup>.

В эти жуткие истории верилось с трудом. Мало кто мог представить себе, что голод действительно толкает людей на подобные вещи. Один человек решил отправиться на поиски правды. Поставив перед собой задачу обнаружить вещественные доказательства каннибализма, весной 1922 года Генри Вольф, школьный учитель истории из Огайо, несколько недель путешествовал по Самарской губернии, которая находится на Волге, в нескольких сотнях километров к юго-востоку от Москвы. Чиновники Мелекесского уезда рассказали ему об отце, который убил и съел двух своих малолетних детей. Он признался, что их мясо “на вкус [было] лучше свинины”<sup>3</sup>. Вольф продолжал поиски и в конце концов обнаружил необходимые доказательства.

На первый взгляд приведенная ниже фотография кажется непримечательной. На ней изображены шесть человек в зимней одежде: две женщины и четверо мужчин. Их лица не выражают никаких эмоций. Но затем мы замечаем нечто ужасное на доске, неровно лежащей на паре ящиков. Это две женские головы, фрагмент грудной клетки, рука и, похоже, череп ребенка. Черепа взрослых вскрыты. Каннибалы ели не только плоть, но и мозг своих жертв.

Вольф на снимке – второй справа. Его сопровождают советские переводчики и чиновники. На его лице можно заметить известное удовлетворение: он достиг своей цели и наконец заполучил неопровержимые доказательства, на поиски которых приехал в Россию.

---

<sup>2</sup> Книга о голоде: Экономический, бытовой, литературно-художественный сборник. Самара, 1922. С. 131, 135; Дубровина Е. Н. Указ. соч. С. 105–106; *Известия*. 1922. 1 сентября. С. 3; Cannibalism Still Prevails in Volga Famine Districts // *New York Times*. 1922. 29 May. P. 1–2.

<sup>3</sup> Patenaude B. *Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford. P. 268.



Илл. 1. Генри Вольф со свидетельствами каннибализма

Возможно, Вольф нашел ответ, который искал, но столетие спустя этот снимок вызывает у нас немало вопросов. Что Вольф вообще делал в России? Что толкнуло молодого американца преодолеть полмира и приехать в далекий край на поиски этих ужасов? И почему советское правительство недавно провозглашенного социалистического государства Владимира Ленина и партии большевиков, стремившееся к мировой революции и уничтожению капиталистического строя, помогло Вольфу раскрыть – а также задокументировать и обнародовать – свой ужасный провал со снабжением собственного народа продовольствием?

Если присмотреться, подсказкой для ответа на эти вопросы станут три буквы, отпечатанные на ящичке в центре кадра: АРА.

Когда в стране разразился страшный голод, советское правительство пригласило Американскую администрацию помощи (АРА), детище будущего президента США Герберта Гувера, надеясь, что она сумеет спасти Россию от гибели. На протяжении двух лет АРА кормила более десяти миллионов мужчин, женщин и детей на территории площадью свыше двух с половиной миллионов квадратных километров, руководя самой крупной на тот момент гуманитарной операцией в истории. Деятельность АРА предотвратила катастрофу неизмеримых масштабов – гибель миллионов людей, серьезные общественные волнения и, вполне вероятно, крах советского государства. Завершив свою миссию к лету 1923 года, американцы вернулись домой. Перед их отъездом руководители советского государства осыпали организацию благодарностями и пообещали, что никогда не забудут о том, как Америка им помогла.

“Великодушный и справедливый поступок, – писал Макиавелли в своих «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», – производит больше действия на сердца людей, чем насилие и варварство”<sup>4</sup>. Макиавелли ошибался. Советское правительство вскоре начало стирать воспоминания об американской благотворительности, а все то, что стереть было невозможно, стало подвергаться ужасным искажениям. Но занимались этим не только русские. Хотя американцы

<sup>4</sup> Макиавелли Н. *Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия*. Ростов-на-Дону, 1998. Перевод Г. Муравьевой.

с большим интересом следили за работой АРА, вскоре память о достижении Гувера померкла. Когда десять лет спустя, во время Великой депрессии, Гувер ушел с поста президента, проиграв выборы, история о его необычайной гуманитарной миссии оказалась забыта. Теперь, по прошествии целого века, мало кто в Америке и России вообще слышал об АРА. Своей книгой я надеюсь это исправить.

## 1921 год

### Глава 1 Российский апокалипсис

Весна 1920 года не принесла дождей. Из-за аномальной жары к посевной земля затвердела. Лето и осень тоже выдались засушливыми. Урожай был скудным. Малоснежная зима сменилась второй жаркой весной. Большую часть Советской России охватила самая сильная за тридцать лет засуха, которая бушевала почти на всей территории Поволжья, от Нижнего Новгорода на севере до Каспийского моря на юге, и от Украины на западе до Уральских гор на востоке. Деревни голодали. Более сотни тысяч крестьян покинули дом в поисках пропитания. Россия оказалась на пороге катастрофы.

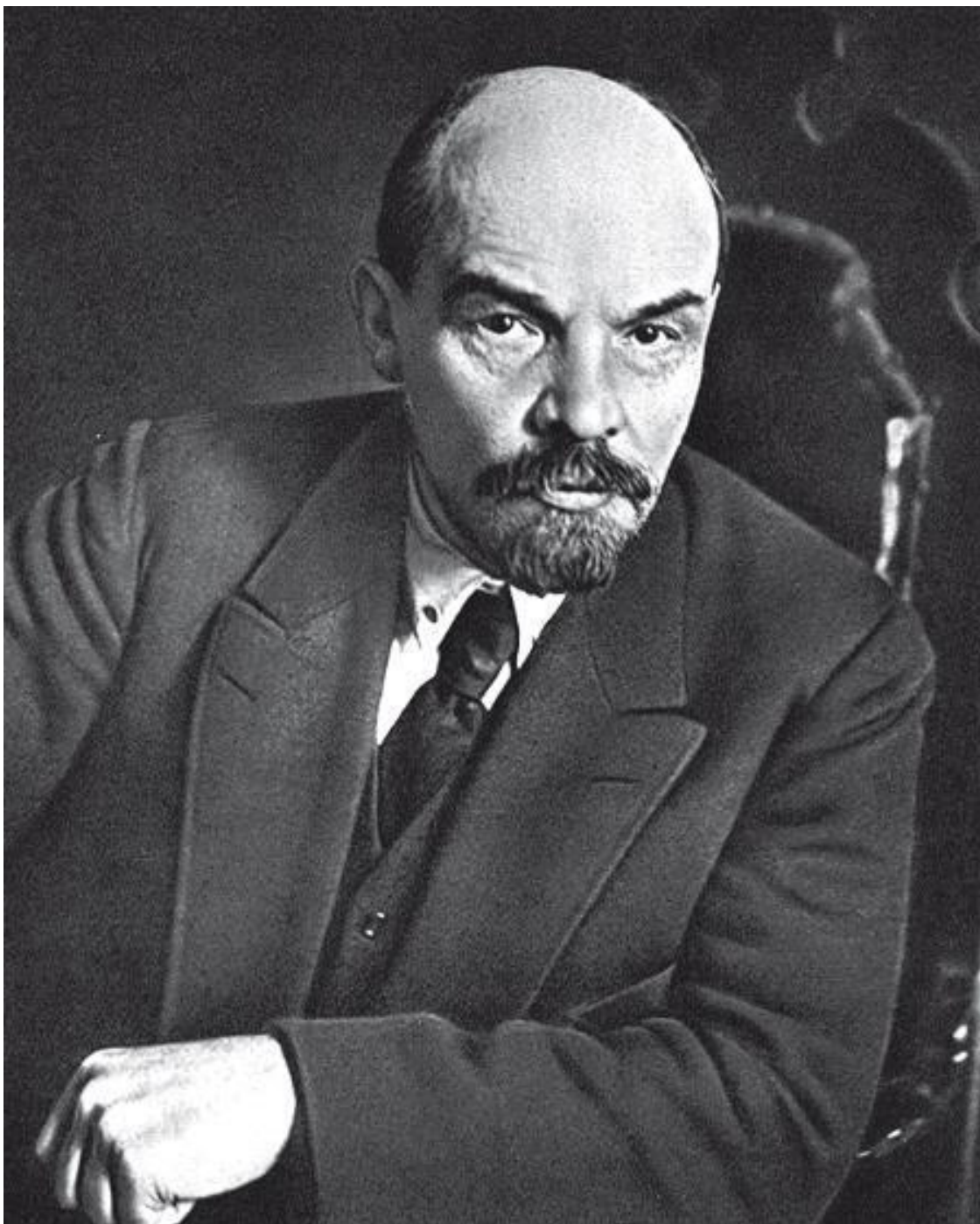
Российскому крестьянству всегда жилось тяжело – и после отмены крепостного права в 1861 году жизнь крестьян легче не стала. В основном они влачили жалкое существование, с трудом обеспечивая себя пропитанием. Сельское хозяйство велось примитивными методами на слишком плотно заселенной территории, а налоги были высоки. В конце 1880-х годов российское государство начало масштабную программу индустриализации, финансировать которую предполагалось доходами от продажи зерна за границу. Фраза “недоедим, но вывезем” стала девизом, под которым царская Россия форсировала приближение к новым стандартам западной жизни. Налоговых инспекторов отправляли в деревни с наказом удвоить усилия, и крестьянам приходилось отдавать им еще большую долю пшеницы, ячменя и ржи. С 1881 по 1890 год объемы среднегодового экспорта основных типов зерна возросли почти в два раза.

На исходе лета 1891 года крестьяне собрали скудный урожай после опустошительной засухи. Исчерпав свои запасы продовольствия, они стали печь так называемый *голодный хлеб*, смешивая небольшое количество муки с каким-либо съедобным заменителем – обычно с лебедой, которая при длительном употреблении приводит к серьезным болезням. К декабрю, по оценке министерства внутренних дел, в государственной поддержке нуждалось более десяти миллионов человек. Лев Толстой, совесть нации, привлекал внимание к масштабам голода и участвовал в организации помощи населению, тем самым сообщая миру правду о катастрофе. Среди прочих стран на помощь России пришла Америка. Из Миннесоты в Россию отправили целое судно зерна со Среднего Запада США. По прибытии в балтийский порт Либавы<sup>5</sup> в марте 1892 года корабль встретили ликованием и фейерверками. В итоге жители Миннесоты пожертвовали более 2,5 миллиона килограммов муки и продовольствие на сумму 26 тысяч долларов, чтобы победить голод на другом конце земного шара. Щедрость американцев увековечил великолепный художник-маринист Иван Айвазовский, написавший две картины, которые в 1893 году лично привез в США вместе с подарками от императора Александра III, присланными в знак признательности за помощь. Несколько десятилетий эти картины выставлялись в галерее Коркоран, пока их не увидела первая леди Жаклин Кеннеди, по просьбе которой их переместили в Белый дом<sup>6</sup>.

---

<sup>5</sup> Ныне Лиепая, Латвия.

<sup>6</sup> Robinson G. T. *Rural Russia Under the Old Regime*. Berkeley and Los Angeles, 1932. Chap. 6; Robbins R. G. *Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis*. New York, 1975. P. 1–7, 12, 70–71, 98, 100, 107–108; Weissman B. M. *Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia: 1921–1923*. Stanford, 1974. P. 2; Smith H. F. *Bread for the Russians: William C. Edgar and the Relief Campaign of 1892 // Minnesota History*. 1970. Summer.



Илл. 2. Владимир Ленин

Российское правительство разработало собственную программу помощи населению, и на пике, несмотря на множество недостатков и препятствий, продовольствие по ней получали более 11 миллионов человек. Государству помогало образованное общество. Видя страдания голодных масс, 27-летняя дворянка Анна Ульянова из волжского города Симбирска помогала снабжать нуждающихся продовольствием и лекарствами, как и многие другие представители ее сословия. Ее брат Владимир, однако, был исключением. Он не только отказывался помогать страждущим, но и радовался голоду, считая, что он наконец уничтожит народную веру в Бога и царя. Он утверждал, что крестьян спасет революция, а не благотворительность: “Только в свержении царской монархии, этого оплота помещиков, лежит выход к сколько-нибудь чело-

веческой жизни, к избавлению от голодовок, от беспросветной нищеты”<sup>7</sup>. Владимир, прославившийся под революционным псевдонимом Ленин, даже в молодости понимал взаимосвязь голода и власти.

В 1921 году Россия страдала не только от засухи. Отсутствие дождей сыграло лишь вторичную роль в голоде. Гораздо важнее были долгие годы войны и революции. К концу 1916 года, по истечении двух лет жестоких сражений на полях Первой мировой войны, в России возник зерновой дефицит. Крупные города сотрясали хлебные бунты. В феврале 1917 года забастовка фабричных работников, протестовавших против высоких цен на хлеб и его недостатка в столичном Петрограде, привела к началу революции, которая в следующем месяце свергла царский режим. Продовольственный кризис и неспособность властей с ним справиться стали непосредственной причиной гибели трехсотлетней династии Романовых.

В октябре, после свержения Временного правительства, стремясь к монополизации власти, большевики стали арестовывать и убивать своих политических оппонентов. Их действия привели к началу неопишимо жестокой Гражданской войны, которая растянулась на несколько лет. Российскую территорию наводнили иностранцы – включая британцев, французов, американцев и японцев, – которые сначала рассчитывали, что Россия не выйдет из войны против Германии, а затем стали оказывать номинальную поддержку Белой армии, сражавшейся против большевистской Красной. Еще сильнее ситуацию осложняла установленная Британским королевским флотом блокада Балтийского моря, которая на многие месяцы отрезала новое советское государство от Запада.

Большевики с самого начала видели в хлебе ключ к своему выживанию. Они понимали, что если не решить продовольственную проблему, то революция захлебнется. Великий революционер и видный советский политик Лев Троцкий, который среди прочего возглавлял Чрезвычайную комиссию по продовольствию и транспорту, в апреле 1918 года сказал на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета: “Наша партия за гражданскую войну. Гражданская война уперлась в хлеб. <...> Да здравствует гражданская война!”<sup>8</sup> Основной тактикой захвата продовольствия было разжигание классовой борьбы в деревне. Большевики создали Комитеты бедноты (Комбеды), чтобы изымать зерно у зажиточных крестьян, так называемых кулаков, и передавать его государству. Часто состоявшие из людей, не имевших отношения к деревне, Комбеды терроризировали и грабили местное население, производили аресты и всячески дестабилизировали сельскую жизнь в инициированной Лениным попытке уничтожить вековую и, по его мнению, отсталую крестьянскую культуру. Также была создана продовольственная армия (или продармия), составленная в основном из безработных петроградских рабочих, которых отправили в деревню, чтобы распространять большевистскую идеологию и содействовать реквизиции хлеба. Лидер партии меньшевиков<sup>9</sup> Федор Дан называл это “крестовым походом против крестьянства”<sup>10</sup>.

Ленин, однако, только начинал свою деятельность. В августе 1918 года он велел брать зажиточных крестьян в заложники и казнить при невыполнении реквизиционного плана. Он отправил коммунистам Пензы следующую телеграмму:

Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению <...> Образец надо дать. 1. Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. 2.

---

<sup>7</sup> Ленин В. И. Голод // *Полное собрание сочинений: В 55 т.* М., 1968. Т. 21. С. 197. (Далее – ПСС.)

<sup>8</sup> Судя по всему, Троцкий сказал это не в апреле, а 4 июня 1918 года; последующая цитата – вольный краткий пересказ его речи “Два пути”. (Прим, перев.) Куртуа С., Верг Н., Панне Ж-Л. *Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии.* М., 1999. С. 89.

<sup>9</sup> Крыло российского социалистического движения, которое выступало за более умеренный путь, чем большевики Ленина.

<sup>10</sup> *Комбеды РСФСР: Сборник декретов и документов о комитетах бедноты* / Под ред. А. В. Шестакова. М., 1933. С. 13.

Опубликовать их имена. 3. Отнять у них весь хлеб. 4. Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст народ видел, трепетал, знал, кричал: душа т и задушат кровопийц кулаков<sup>11</sup>.

Даже других большевиков ужасало такое отношение к крестьянам. 14 февраля 1922 года один шокированный советский корреспондент сообщил из Омска: “Злоупотребления реквизиционных отрядов достигли невообразимого уровня. Практикуется систематически содержание арестованных крестьян в неотапливаемых амбарах, применяются порки, угрозы расстрелом. Не сдавших полностью налог гонят связанными и босиком по главной улице деревни и затем запирают в холодный амбар. Избивают женщин вплоть до потери ими сознания, опускают их нагишом в выдолбленные в снегу ямы”<sup>12</sup>. В июне 1918 года Иосиф Сталин привел в Царицын<sup>13</sup> два бронированных состава с 450 красноармейцами, чтобы изымать продовольствие для столицы. Его первые успехи показались Ленину недостаточными: считая, что Сталин проявил мягкость, он приказал ему “быть беспощадным” по отношению к врагам в охоте за продовольствием. “Будьте уверены, что у нас не дрогнет рука, – ответил Сталин. – [Мы] не пощадим никого <...>, а хлеб все же дадим”<sup>14</sup>.

Нормы сдачи хлеба, установленные центральным правительством, неизменно росли. К 1920 году они выросли с 18 до 27 миллионов пудов<sup>15</sup>. Крестьяне прозвали реквизиционную кампанию того года “железной метлой”, поскольку она выметала из деревень почти все до последнего зернышка, оставляя их с пустыми руками. Местные власти не могли поверить своим глазам и отправляли московскому начальству доклады, в которых называли эти действия “бессмысленными и бесплодными”<sup>16</sup>. Хотя война против белого движения фактически окончилась после победы над войсками генерала Петра Врангеля в конце 1920 года, кампании против крестьянства не прекращались.

Крестьяне реагировали на жестокую политику большевиков самыми разными способами. Они прятали хлеб – под полом, в колодцах, на соломенных крышах, за фальшивыми стенами и во всевозможных тайниках в избах. Вскоре бойцы продармии раскусили уловки крестьян и принялись с утроенной силой искать запасы, невзирая на причиняемый ущерб. Также крестьяне сокращали площадь обрабатываемых земель, выращивая лишь абсолютный минимум, необходимый им самим для выживания, и тем самым отказываясь отдавать государству излишки. С 1917 по 1921 год перестала обрабатываться треть пахотной земли в основных сельскохозяйственных регионах России. Урожай 1920 года оказался почти в два раза меньше урожая 1913 года<sup>17</sup>.

Некоторые крестьяне давали властям отпор. Первые восстания против реквизиции зерна вспыхнули летом 1918 года, и со временем они лишь разгорались. Летом 1920-го волнения переросли в настоящую войну, когда бывший заводской рабочий и школьный учитель Александр Антонов организовал Партизанскую армию Тамбовского края, численность которой в итоге достигла примерно 50 тысяч человек с учетом множества дезертиров из Красной армии. Крестьянская армия Антонова вышла из Тамбова и вскоре вошла в нижнее Поволжье – Самару, Саратов, Царицын и Астрахань – и даже Западную Сибирь. “Бандитские выступления охватили всю губернию, – телеграфировали в Москву испуганные большевистские лидеры Саратова. – Все запасы зерна – три миллиона пудов – на государственных складах захвачены

<sup>11</sup> Латышев А. Г. *Рассекреченный Ленин*. М., 1996. С. 57.

<sup>12</sup> Куртуа С., Верг Н., Панне Ж-Л. Указ. соч. С. 133.

<sup>13</sup> Ныне Волгоград.

<sup>14</sup> Сталин И. Письмо В. И. Ленину от 7 июля 1918 г. // *Сочинения: В 16 т.* М, 1951. Т. 4. С. 119.

<sup>15</sup> Пуд примерно равен 16,4 кг.

<sup>16</sup> Лонг Д. *История России: Диалог российских и американских историков*. Саратов, 1994. С. 128.

<sup>17</sup> Engelstein L. *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921*. New York, 2017. P. 627.

крестьянами. Они отлично вооружены благодаря дезертирам, доставшим им оружие. Надежные части Красной армии рассеяны”<sup>18</sup>. Огонь восстания разгорался все сильнее, и советское правительство теряло контроль над новыми и новыми территориями.

К концу 1920 года в ЧК – дальней предшественнице КГБ – признали, что вся страна, за исключением районов Москвы, Петрограда и русского севера, охвачена волнениями. В начале 1921 года ситуация усугубилась. Председатель ЧК Самарской губернии писал своим московским начальникам в совершенно секретном меморандуме: “Отношение масс к коммунистам и к власти враждебное. <...> Свирепствует холера и цинга. <...> Дезертирство гарнизона увеличивается”<sup>19</sup>. Ленин был вне себя. Крестьянская война, отмечал он, обращаясь к сподвижникам, “более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые”<sup>20</sup>. Иными словами, судьба советского государства оказалась в руках мятежных крестьян.

И крестьянами дело не ограничивалось. В городах большевики также начали терять поддержку рабочих и солдат, которые еще недавно были их самыми преданными сторонниками. В январе 1921 года в ряде городов на треть сократили норму выдачи хлеба. Рассерженные и голодные, петроградские рабочие вышли на забастовку. Демонстрации быстро переросли в бунты. На восстановление порядка были брошены отряды ЧК, в конце февраля 1921 года в городе ввели военное положение. Месяц спустя матросы Кронштадта восстали против “диктатуры коммунистов”, утверждая, что руководители страны “хуже [царя] Николая”, и призывая к собственной “третьей революции”<sup>21</sup>. Ленин обеспечил подавление бунта. Более двух тысяч человек были приговорены к смертной казни, более шести тысяч – отправлены в тюрьму.

Чтобы спасти режим, на X Съезде партии в марте Ленин объявил о стратегическом отступлении от экстремистской политики прошлого. На смену военному коммунизму первого этапа революции пришла новая экономическая политика (НЭП), которая стала уступкой капитализму и рыночным силам и санкционировала владение частной собственностью, ведение розничной торговли и организацию мелкой промышленности. Но главное – НЭП положила конец продовольственной реквизиции, заменив ее продовольственным налогом (который выплачивался зерном или другой сельскохозяйственной продукцией). Теперь крестьяне точно знали, сколько именно продуктов они должны отдавать государству, а это давало им стимул выращивать как можно больше и оставлять излишки себе.

Тем временем война с армией Антонова продолжилась и летом 1921 года. Стотысячная армия генерала Михаила Тухачевского при поддержке тяжелой артиллерии и авиации начала безжалостную кампанию против тех, кого государство называло бандитами<sup>22</sup>. Солдатам было приказано без предупреждения стрелять в любого, кто откажется назвать свое имя. За укрывательство бандитов целым семьям грозили арест и высылка за пределы губернии. Их собственность отходила государству, а старших сыновей казнили без суда. Армия Тухачевского захватывала в плен тысячи человек, которых переправляли в концентрационные лагеря<sup>23</sup>. К августу в десяти лагерях в одной только Тамбовской губернии содержалось более 13 тысяч заключенных. Тухачевский приказал задушить врага: “Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось”<sup>24</sup>.

---

<sup>18</sup> Куртуа С., Верг Н., Панне Ж-Л. Указ. соч. С. 126.

<sup>19</sup> СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 497. Л. 187.

<sup>20</sup> Командующие белыми силами: Антон Деникин, Александр Колчак и Николай Юденич.

<sup>21</sup> Engelstein L. Op. cit. P. 611–612, 617.

<sup>22</sup> Куртуа С., Верг Н., Панне Ж-Л. Указ. соч. С. 131.

<sup>23</sup> Там же. С. 132; Engelstein L. Op. cit. P. 625–626.

<sup>24</sup> ГАТО. Ф. Р.-1832. Оп. 1. Д. 943. Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев. Л. 3.

В конце концов Красная армия взяла ситуацию под контроль. Хотя Антонова поймали – и убили – лишь в июне 1922 года, остальных повстанцев уничтожили уже к осени 1921-го.

Но большевики одолели одного врага, только чтобы встретиться с новым, гораздо более серьезным. По количеству жертв голод 1921 года стал самым страшным в европейской истории. По оценкам советского правительства, на пороге смерти оказалось около 30 миллионов человек<sup>25</sup>. Уступки крестьянам, сделанные в марте на съезде партии, уже не могли изменить ситуации. “Если будет урожай, тогда все поголодают немножко, и государство будет спасено, – либо, если не сумеем взять у людей, которые не в состоянии наесться досыта, государство погибнет”<sup>26</sup>, – сказал Ленин. Два засушливых года, несколько лет войны и бессмысленной жестокости – было очевидно, что теперь уже никакой урожай не сможет прокормить голодную Россию.

Правительство получало доклады об обострении кризиса с начала 1921 года. В одном январском рапорте ЧК описывался голод в Тамбовской губернии, который связывался с “разгулом”<sup>27</sup> реквизиции 1920 года. Количество беженцев, которые спасались от голода в Поволжье, стало слишком велико, чтобы их не замечать.

---

<sup>25</sup> Коган А. С. Антисоветские действия Американской администрации // *Исторические записки*. 1949. № 29. С. 7. В других источниках цифра доходит до сорока миллионов. См.: Аншакова Ю. Ю. Начальный этап работы Американской администрации помощи в Самарском округе во время голода 1921–1922 гг. (по материалам миссии) // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2005. Том 7. № 2. С. 321.

<sup>26</sup> Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом // ПСС. Т. 43. С. 71.

<sup>27</sup> Куртуа С., Верг Н., Панне Ж-Л. Указ. соч. С. 135.



Илл. 3. Семья беженцев в поисках пропитания

И все же правительство не обращало на них внимания. Любые официальные сообщения о голоде были под запретом до 2 июля 1921 года, когда на последней полосе газеты “Правда” напечатали заметку, которая открывалась словами: “В этом году урожай зерновых обещает быть ниже среднего уровня десяти последних лет”<sup>28</sup>. Далее сообщалось о наличии “проблемы продовольствия на фронте земледелия”<sup>29</sup>. Что это, как не пример оруэлловского языка? Десять дней спустя в “Правде” вышла более полная и правдивая заметка, где голод назвали “общероссийским бедствием, которое отразится на всей хозяйственной и политической жизни страны”.

---

<sup>28</sup> Там же. С. 134.

<sup>29</sup> Там же.

Читателям в зоне голода велели оставаться на местах, не пополнять “переселенческую волну” и не поддаваться панике и слухам об “очень большой опасности” для страны. В “Правде” отмечали, что буржуазный Запад знает о голоде, но советовали не надеяться на “капиталистических хищников”, которые не только будут рады увидеть, как голодает рабочий российский народ, но и сочтут эти страдания возможностью для организации контрреволюции, направленной на свержение советского правительства<sup>30</sup>.

Ранее в том же месяце Запад действительно проинформировали о катастрофе в двух воззваниях о помощи. Одно патриарх Русской православной церкви Тихон адресовал папе римскому, архиепископу Кентерберийскому и другим мировым религиозным лидерам. Другое составил писатель Максим Горький. Судя по всему, идея принадлежала не самому Горькому, который не слишком жаловал крестьянство. Через год он даже опубликовал статью “О русском крестьянстве”, в которой описал “полудиках, глупых, тяжелых людей русских сел и деревень” и выразил надежду, что они вымрут и им на смену придет “новое племя грамотных, разумных, бодрых людей”<sup>31</sup>. Друзья писателя убедили его воспользоваться своим авторитетом и предложить Кремлю обратиться с воззванием к миру. Похоже, Ленина уговаривать не пришлось.

В обращении “Ко всем честным людям” от 13 июля Горький написал: “Страну Льва Толстого, Достоевского, Менделеева, Павлова, Мусоргского, Глинки и других дорогих всему миру людей ждут грозные дни <...> Бедствие России дает представителям гуманности блестящий случай доказать жизненность [их] идей <...> Я прошу всех европейцев и американцев помочь русскому народу со всей возможной быстротой. Дайте ему хлеб и медикаменты!”<sup>32</sup> Он упомянул о беспрецедентной засухе, которая бушевала в стране, но ничего не сказал о капиталистических хищниках и контрреволюционерах. Сначала Горький отправил свое воззвание знаменитому норвежскому исследователю, ученому и гуманисту Фритьофу Нансену, но Нансен ответил, что русским лучше обратиться к американцам, поскольку только они обладают необходимыми ресурсами, чтобы прийти на помощь стране.

22 июля 1921 года копия воззвания Горького, опубликованная в американской прессе, оказалась на столе Герберта Гувера, министра торговли США. Прочитав ее, Гувер понял, что делать.

---

<sup>30</sup> *Правда*. 1921.12 июля. С. 1.

<sup>31</sup> Горький М. *О русском крестьянстве*. Берлин, 1922. С. 44.

<sup>32</sup> Письмо Горького и воззвание патриарха Тихона о помощи были опубликованы одновременно во всех центральных газетах РСФСР. В настоящем издании письмо Максима Горького цитируется по: *Горький и его эпоха: исследования и материалы*. М., 1995. С. 22.

## Глава 2

### Шеф

Губеры покинули родную Швейцарию и перебрались в американские колонии в первой половине XVIII века. Через некоторое время они переделали фамилию на английский манер – Гувер – и перешли из лютеранской церкви в Религиозное общество друзей, то есть стали квакерами, поскольку квакеры отрицательно относились к рабству. Семья двигалась на запад вместе с молодой нацией и осела в небольшом коттедже у ручья Вапсинонок в холмистой местности на востоке Айовы. Именно там в августе 1874 года родился Герберт Гувер.

Джесс Гувер был кузнецом в деревне Уэст-Бранч, а его жена Хульда преподавала в воскресной школе и служила секретарем Женского христианского союза за воздержание. Они были простыми, работающими людьми. В семье был девиз: “Не важно, что мы благородного происхождения, если сами мы никто. Не сиди без дела”. Гувер был болезненным ребенком и часто страдал от крупы. Однажды родителям показалось, что их маленький Берти умер, и они положили его на стол, накрыв ему веки десятицентовыми монетками. Вдруг он пошевелился. “Бог уготовил этому мальчику великие дела, – сказала его пораженная бабушка, – и потому вернул его к жизни”<sup>33</sup>. В 1880 году Джесс умер, а четыре года спустя умерла и Хульда. В девять лет Берти остался сиротой.

Его отправили к дяде в Орегон. Там царили такие же строгие порядки, как в родительском доме. Тоже исповедуя квакерство, дядя внушал Берти важность личной ответственности, усердной работы и самосовершенствования. В школе учитель предлагал Берти поразмыслить над такими вопросами, как “что уносит больше жизней – выпивка или война?”. В 1888 году четырнадцатилетнего Берти отправили в Салем работать посыльным в офисе Орегонской земельной компании, и он не только зарекомендовал себя как превосходный работник, но и усвоил основы бизнеса. В 1891 году он поступил в только что созданный Университет имени Леланда Стэнфорда-младшего, который, по словам его основателя, должен был “работать на благо общества во имя гуманизма и цивилизации”. Когда четыре года спустя Гувер окончил университет со средними оценками и получил степень бакалавра геологии, никто из однокурсников не возлагал на него больших надежд. И все же главные черты характера, которые помогут ему стать успешным бизнесменом и великим гуманистом – острый ум, безграничная энергия, зарождающееся осознание своих необычных талантов, несомненные амбиции и верность долгу, – к тому времени у него уже сформировались.

Гувер отправился работать горным инженером в золотых шахтах австралийского аутбэка (который называл “адам”<sup>34</sup>), а затем перебрался в Китай, где наладил крупнейшее горное производство в истории страны, хотя ему еще не исполнилось и тридцати лет. В 1900 году, во время Боксерского восстания, он был в Тяньцзине. Отказавшись уехать в эвакуацию, он взялся на велосипеде развозить продовольствие жителям иностранного поселения, не обращая внимания на пули, свистевшие вокруг. Такой стала первая гуманитарная миссия Гувера – пусть скромная, но с известным риском для жизни.

Два года спустя он был принят в партнеры британской горнопромышленной компании *Bewick, Moreingand Company* и начал путешествовать по миру, налаживая процесс горной добычи в шестнадцати странах. Он умел превратить посредственное дело в прибыльное и обладал даром находить новые возможности. В 1905 году Гувер вложил собственные деньги в заброшенную шахту в Бирме, и под его руководством она быстро стала одним из богатейших в мире источников серебра, цинка и свинца. Административный талант, технические знания

---

<sup>33</sup> Nash G. H. *The Life of Herbert Hoover: The Engineer, 1874–1914*. New York, 1983. P. 1–3.

<sup>34</sup> Whyte K. *Hoover: An Extraordinary Life in Extraordinary Times*. New York, 2017. P. 53.

и финансовое чутье помогли ему заработать международную репутацию. Через несколько лет он ушел из компании и основал собственную, которую назвал своим именем. Отделения его предприятия открылись в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лондоне, Париже и Санкт-Петербурге.

Гувер впервые посетил Россию в 1909 году и за последующие несколько лет вложил в нее значительное количество времени и средств. Он участвовал в разработке нефтеносных районов у Черного моря, медных рудников в казахских степях, золотых и железных рудников на Урале. Однажды ему даже предложили возглавить императорские кабинетские рудники. Два года спустя он вернулся в Россию, чтобы проверить свои предприятия. Хотя Гувер остался удовлетворен состоянием дел, его обеспокоило положение российского императора Николая II. Он описал “жуткое” социальное напряжение, которое едва удавалось сдерживать. При виде закованных в кандалы каторжников, этаплируемых в сибирскую ссылку, Гувер содрогнулся. Его испугала жестокость царской системы. По его словам, у него возникло чувство, что “однажды эта страна взлетит на воздух”. Гувер продал объекты своих российских капиталовложений, прежде чем страна пала под гнетом войны и революции. Россия виделась ему полной “беспокойства и тревоги”<sup>35</sup>.

Когда в 1914 году началась Первая мировая война, Гувер с женой и детьми жил в роскоши в Лондоне. К сорока годам он сколотил солидное состояние и получал самые большие в мире гонорары за горное дело, но при этом потерял к нему интерес. Он отошел от дел. Судя по всему, Гувер столкнулся с кризисом: ему было мало денег и житейского успеха – хотелось иного, чего-то большего. Его воспитывали на идеалах великодушия и помощи ближнему, и теперь его мучила совесть.

В тот год американский консул в Великобритании обратился к Гуверу с просьбой помочь американцам, которые застряли в Европе из-за войны. Гувер тотчас принялся за работу и сумел вернуть на родину 120 тысяч человек. Так началась его политическая карьера.

Далее он обратил внимание на кризис в Бельгии. Не беря в расчет ее нейтралитет, Германия вторглась на территорию соседа на раннем этапе войны. Началось “изнасилование Бельгии”, в ходе которого немецкая армия убила тысячи мирных жителей и сожгла их дома. Это преступление вызвало бурное негодование международной общественности. Из-за немецкой оккупации и британской морской блокады Бельгия оказалась отрезана от поставок продовольствия, и вскоре запасы населения стали подходить к концу. Казалось, массового голода не избежать.

Гувер создал Комиссию помощи Бельгии, чтобы поставлять продовольствие примерно девяти миллионам человек, живущих на оккупированных немцами территориях Бельгии и Северной Франции. Но сначала ему нужно было убедить воюющие государства одобрить его план. Британцы, возглавляемые военным министром лордом Китченером, первым лордом Адмиралтейства Уинстоном Черчиллем и премьер-министром Дэвидом Ллойдом Джорджем, опасались, что немцы станут забирать продовольствие себе, в результате чего война затянется. Но Гувер сумел убедить их, что агенты Комиссии помощи будут контролировать транспортировку, хранение и распределение продовольствия, тем самым снижая риск перехвата продуктов немцами. В то же время он убедил и Британию, и Германию, что в их интересах разрешить США оказать гуманитарную помощь Бельгии, ведь это поможет улучшить общественное мнение об Америке, которая пока сохраняла нейтралитет, и, возможно, заполучить ее в союзники в конфликте. Хотя ни в Лондоне, ни в Берлине не стали слушать аргументы американского предпринимателя, в конце концов согласие было получено.

За следующие два с половиной года Комиссия поставила жителям Бельгии и Северной Франции более 2,5 миллиона тонн продовольствия. Это было беспрецедентное предприятие: деятельность Комиссии стала самой масштабной и амбициозной гуманитарной операцией в

---

<sup>35</sup> Nash G. H. Op. cit. P. 437–446; Weissman B. Op. cit. P. 20–21.

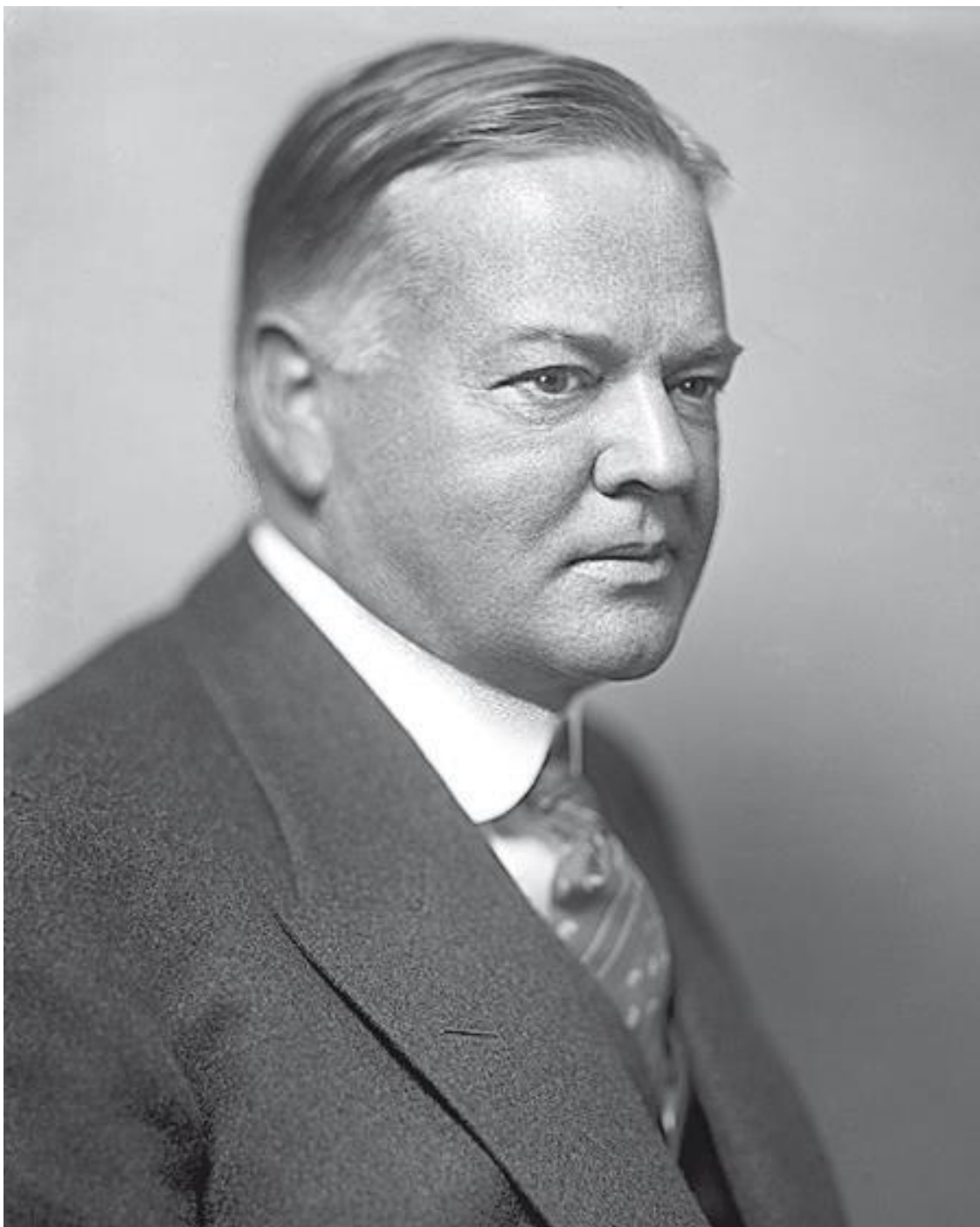
истории, и при этом руководство ею осуществляла организация, которая не была ни полностью частной, ни полностью государственной. Один чиновник британского министерства иностранных дел назвал ее “пиратским государством, созданным во имя благотворительности”<sup>36</sup>. Комиссия владела собственным флотом и имела собственный флаг. В нее вошли многие бизнес-партнеры Гувера, стипендиаты Родса и офицеры армии США, и все они с безграничной преданностью служили человеку, которого называли Шефом. Европейские правительства давали его агентам полную свободу действий, а начальник оказывал им огромное доверие в повседневной работе.

В то же время Гувер сосредоточил в своих руках полный контроль над операцией. Предприятие такого размера и сложности требовало незаурядных организационных навыков бизнесмена и абсолютной власти диктатора. “Борьба с голодом – это гигантская экономическая и государственная операция, проводимая специалистами, – утверждал он, – а не «благотворительная» работа по великодушной раздаче продуктов в очередях <...> Осуществлять руководство и координацию должен человек сильной руки”. Этим “человеком”, конечно, был сам Гувер. Посвящая все время борьбе с голодом, он не успевал заниматься личными финансами, но его это не тревожило. “К черту состояние”, – сказал он<sup>37</sup>. Он доставал деньги на поддержку Комиссии из любых источников. Гувер даже уговорил Великобританию и Францию субсидировать деятельность организации и получил от них более 300 миллионов долларов. Предприятие Гувера одобряли не все. Сенатор от Массачусетса Генри Кэбот Лодж назвал Комиссию помощи Бельгии преступной организацией, созданной отдельным гражданином, который узурпировал полномочия официальной дипломатии США, и пригрозил начать расследование.

---

<sup>36</sup> Whyte K. Op. cit. P. 22–25.

<sup>37</sup> Weissman B. Op. cit. P. 145.



Илл. 4. Герберт Гувер

Однако в итоге деятельность Комиссии обернулась огромным успехом. Она предоставила помощь на общую сумму свыше 880 миллионов долларов, а это больше обычного довоенного годового бюджета США. Ей удалось спасти миллионы жизней. Восхищенные люди по обе стороны Атлантики стали называть Гувера “спасителем Бельгии”.

Когда в апреле 1917 года США вступили в войну, Гувер оставил свой пост в Комиссии и вернулся домой, где президент Вудро Вильсон назначил его главой Продовольственной администрации США, учрежденной тем летом. В прессе Гувера прозвали “продовольственным диктатором”, ведь он теперь распределял продукты по всей стране. Имея четкую цель, он выступал за эффективность, стандартизацию и учет для минимизации потерь. Каждый американец научился “жить по Гуверу” во имя нужд фронта. По окончании войны Вильсон при-

гласил Гувера сопровождать его на Парижской мирной конференции в качестве неофициального советника. Чтобы организовать снабжение голодного, измученного войной континента и начать процесс восстановления экономики, Гувер порекомендовал президенту создать Американскую администрацию помощи, на финансирование которой конгресс в начале 1919 года выделил 100 миллионов долларов. На посту генерального директора Гувер руководил организацией помощи в 32 странах, не только снабжая население продовольствием и одеждой, но и принимая участие в восстановлении разрушенной инфраструктуры и выполняя разведывательные и дипломатические функции для союзных держав. Узнав, что телефонные и телеграфные системы Европы большей частью уничтожены, Гувер создал эффективную беспроводную сеть, используя суда американского флота и специалистов войск связи. Ничто не могло помешать ему выполнить свою миссию. За десять месяцев АРА распределила более миллиарда долларов между нуждающимися в помощи странами<sup>38</sup>.

Создание АРА символизировало выход США на международную арену и показало растущую уверенность американцев в своей способности распространять американское влияние и ценности по миру. Гувер разделял убеждение Вильсона, что Америка должна делать мир лучше. И все же, в отличие от президента, который был плохо знаком с заграничной жизнью, Гувер много лет провел за пределами США и гораздо глубже понимал, каков мир и насколько сложно сделать его лучше.

Как и многие президенты после него, Вильсон ошибочно полагал, что Америка может спасти человечество, но более мудрый и осведомленный Гувер видел ее цель в облегчении людских страданий. «Помогать нужно лишь из гуманизма, – отмечал он в декабре 1918 года. – Помощь не должна преследовать никаких других политических целей, кроме поддержания жизни и порядка»<sup>39</sup>.

При этом он был убежден, что ни жизнь, ни порядок невозможны в тех странах, которые пали под натиском новой угрозы – большевизма. В меморандуме, выпущенном в ноябре 1918 года, он подчеркнул, что главная задача восстановления Европы заключается в «сдерживании волны большевизма», а для ее выполнения необходимы мир и стабильность, которые невозможны без должного снабжения наций продовольствием. Согласившись с ним, в начале 1919 года Вильсон написал председателю Комитета по ассигнованиям Палаты представителей США: «Большевизм неуклонно движется на запад и отравляет Германию. Его нельзя остановить силой, но можно остановить продовольствием»<sup>40</sup>. Продовольствие, как правильно понимали оба политика, было действенным оружием.

Многие в США хотели, чтобы «фрицы» заплатили за войну, а потому были не столь дальновидны. Сенат США всячески старался запретить АРА использовать ассигнования в побежденных вражеских странах. Гувер выступал против ограничений и осуждал суровые условия Версальского договора в отношении Германии. Заставивший немцев признать вину за развязывание войны и выплатить карательные репарации договор, по его мнению, отдавал «ненавистью и мстительностью» и не мог не привести к негодованию и политической нестабильности. Чтобы узколобые сенаторы не мешали его работе, Гувер перехитрил собственное правительство, переправляя помощь по сложному лабиринту организаций и тем самым не позволяя понять, чем именно занимается АРА. В итоге Гувер сумел направить более 40 % чрезвычайной помощи АРА в Германию и бывшую Австро-Венгерскую империю.

Экономист Джон Мейнард Кейнс, представлявший британское казначейство на мирных переговорах, восхищался Гувером и АРА:

---

<sup>38</sup> Ibid. P. 27–28.

<sup>39</sup> Ibid. P. 29–30.

<sup>40</sup> Weissman B. Op. cit. P. 29–30.

Никогда еще столь бескорыстное и благородное дело не выполняли с таким упорством, искренностью и мастерством, не прося и не получая благодарности. Неблагодарные европейские государства обязаны политической прозорливости и таланту Гувера и его союза американских работников гораздо большим, чем они готовы признать <...> Именно их усилия, их энергия и американские ресурсы, предоставленные им президентом, часто шли наперекор европейской обструкции, что не только облегчило страдания огромному количеству людей, но и предотвратило полный коллапс европейской системы<sup>41</sup>.

Кейнс и Гувер, встретившиеся на конференции, придерживались одного мнения относительно мирного договора. Кейнс был уверен, что если бы больше дипломатов обладали “знаниями, благородством и бескорытием” Гувера, то удалось бы заключить “хороший мир”<sup>42</sup>.

Хотя Гувер понимал, что большевизм находит отклик у русских людей, веками подвергавшихся притеснениям, он оставался непримиримым противником коммунизма на протяжении всей жизни. Он выступал против официального признания советского государства Ленина, которое называл “кровожадной диктатурой”<sup>43</sup>, не только опасаясь, что это приведет к усилению радикализма на Западе, но и осуждая отказ советской власти брать на себя ответственность по долгам царского режима<sup>44</sup> и подозревая, что большевики не станут охранять американских граждан и активы (с чем соглашался и Вильсон).

Тем не менее Гувер не поддерживал предложения о военном вмешательстве Соединенных Штатов. 28 марта 1919 года он написал в меморандуме, адресованном Вильсону: “Лучше всего, чтобы эти безрассудные идеи нашли возможность где-нибудь доказать свою несостоятельность”<sup>45</sup>. При этом он был не прочь предложить помощь тем, кто вел войну против Ленина и Советской России. В августе 1919 года он написал из Парижа государственному секретарю Роберту Лансингу, что АРА стоит поддержать белую армию генерала Николая Юденича, поскольку считал, что белые дадут России надежду на появление конституционного правительства и защиту личных свобод. Когда той осенью Юденич выступил в поход на Петроград, Гувер снабжал его продовольствием, одеждой и бензином. Генерал отправил благодарность “мистеру Гуверу, продовольственному диктатору Европы” и сообщил ему, что его армия “теперь практически живет на американской муке и беконе”, а для успеха это не менее важно, чем “винтовки и боеприпасы”<sup>46</sup>.

Позже Гувер пытался скрыть, что поддерживал белых, но Ленин и советское руководство знали об этом. Разумеется, истинные мотивы великого американского гуманиста всегда вызывали у них подозрения.

Прочитав воззвание Горького 22 июля 1921 года, Гувер, которого новый президент Уоррен Гардинг назначил министром торговли, написал госсекретарю Чарльзу Эвансу Хьюзу: “Я искренне верю, что мы должны помочь детям и предоставить некоторые медикаменты”. Он сообщил, что намеревается ответить на воззвание Горького. “Полагаю, гуманизм обязывает

---

<sup>41</sup> Whyte K. Op. cit. P. 226.

<sup>42</sup> Ibid. 218–24.

<sup>43</sup> Weissman B. Op. cit. P. xiii.

<sup>44</sup> Вскоре после захвата власти большевики отказались от уплаты долга в объеме 187 миллионов долларов, предоставленного США Временному правительству, а также от выплаты 86 миллионов долларов, которые ссудили царскому правительству американские банки.

<sup>45</sup> Patenaude B. Op. cit. P. 33.

<sup>46</sup> Weissman B. Op. cit. P. 36–37.

нас вмешаться, если они согласятся на выставленные условия; если же они откажутся их принимать, мы будем освобождены от ответственности”<sup>47</sup>.

Воззвание Горького не могло заставить Гувера врасплох. В первую неделю июня АРА получила сообщения о масштабах кризиса в России. Гувер велел своим непосредственным подчиненным в АРА приостановить деятельность в других странах, чтобы начать накапливать запасы продовольствия для возможной миссии в России. Он хотел подготовиться, чтобы в случае, если советское правительство падет или окажется свергнуто, показать щедрость американского народа. У него было два стремления: одолеть голод и побороть большевизм.

23 июля Гувер отправил Горькому длинную телеграмму, в которой сообщил, что сочувствует страданиям русского народа, перечислил условия для оказания помощи и изложил основные принципы миссии. Прежде всего, отметил он, необходимо немедленно выпустить на свободу всех американских граждан, содержащихся в советских тюрьмах. Кроме того, нужно принять: (1) что советское правительство должно официально запросить поддержки Американской администрации помощи; (2) что Гувер будет действовать не в качестве министра торговли, а в неофициальном статусе главы агентства, в связи с чем помощь АРА ни в коей мере не будет свидетельствовать об официальном признании советского государства со стороны США; (3) что АРА будет работать в России точно так же, как в других странах, а следовательно, сотрудники АРА должны свободно приезжать в страну и покидать ее, беспрепятственно перемещаться по советской территории и на свое усмотрение организовывать местные комитеты помощи, в то время как советское правительство возьмет на себя все расходы, связанные с транспортировкой, хранением и распределением поставок АРА. В свою очередь, АРА обещает обеспечить продовольствием, медикаментами и одеждой один миллион детей “вне зависимости от расы, вероисповедания и общественного положения”. Наконец, Гувер засвидетельствовал, что представители АРА не станут принимать участия ни в какой политической деятельности<sup>48</sup>.

Если у советского руководства и были сомнения, пришедшие в тот месяц сводки из губерний, вероятно, заставили лидеров их отбросить. В середине июля заместитель председателя исполкома Самарской губернии отправил Ленину секретную телеграмму, в которой ясно дал понять, насколько серьезна ситуация: “В уездных городах запасов нет. Столовые закрываются. В детских домах голодают. <...> Эпидемия холеры приняла грозные масштабы. <...> Самара является очагом заразы, последствия которой грозят всей республике. <...> Население бежит из Самарской губернии, вокзалы, пристани забиты беженцами. Голод, эпидемия”<sup>49</sup>.

С самого начала миссия АРА в России подвергалась политическому давлению в США. Когда появились сведения об ответе Гувера Горькому, Американский союз защиты гражданских свобод выступил на страницах *The New York Times* против выдвижения политических условий для оказания помощи. В журнале *The Nation* тоже критиковали Гувера и отмечали, что в американских тюрьмах наверняка содержатся советские граждане, а потому как можно ожидать освобождения американцев, не освобождая русских? Некоторые правые считали, что голод дает возможность нанести удар по большевизму. Бывший социалист Джон Спарго, превратившийся в оголтелого республиканского борца с “красной угрозой”, написал госсекретарю Хьюзу: “Текущий кризис дает возможность, которая, если воспользоваться ею правильно, может привести к ликвидации большевистского режима и началу реставрации”<sup>50</sup>. Он рекомендовал вести совместную работу с недавно основанным Всероссийским комитетом помощи голодающим, куда вошли многие антибольшевистски настроенные деятели и доре-

---

<sup>47</sup> Ibid. P. 46–47.

<sup>48</sup> Weissman B. Op. cit. P. 47.

<sup>49</sup> Дубровина Е. Н. Указ. соч. С. 138–140.

<sup>50</sup> Weissman B. Op. cit. P. 15.

волюционные политические и культурные лидеры. Ленин неохотно санкционировал создание этого комитета, главным образом преследуя циничную цель предстать в выгодном свете в глазах Запада. В советском руководстве прекрасно понимали, что комитет окажется в центре внимания, поэтому, как только он выполнил свою функцию, его расформировали, а с его членами разобрались. Спарго, как и другие противники советского режима, полагал, что комитет станет основой российского представительного правительства после падения большевиков.

Павел Рябушинский, советник в посольстве Временного правительства России в Вашингтоне, встретился с ассистентом Гувера Кристианом Гертером и тайно сообщил ему, что русские эмигранты готовы предоставить АРА деньги и продовольствие, чтобы организация переправила их Всероссийскому комитету помощи голодающим. Они намеревались использовать АРА, чтобы пошатнуть позиции советского правительства и заменить его комитетом после падения советской власти. Гертер отказался поддержать план Рябушинского.

Все это происходило в тени “красной угрозы”, которая нависла над США в 1919–1920 годах. После войны по стране прокатилась волна забастовок и недовольства рабочих и возникли опасения, что влияние большевиков может распространиться за пределы России и дестабилизировать Запад. Сенат США организовал комиссию для расследования серьезности “красной угрозы” цивилизации. Весной 1919 года анархисты устроили серию взрывов, выбирая жертвами ведущих политиков, государственных деятелей и предпринимателей, включая Джона Рокфеллера. Одну бомбу послали домой генеральному прокурору США Митчеллу Палмеру. Разъяренный Палмер ответил так называемыми рейдами Палмера. К декабрю были арестованы 249 радикалов, которых посадили на корабль, следующий в Финляндию, где их предполагалось отпустить, чтобы они самостоятельно добрались до большевистской России. Среди них оказалась Красная королева Эмма Гольдман. Одним из молодых агентов, нанятых Палмером для охоты на радикалов, был девятнадцатилетний государственный служащий Дж. Эдгар Гувер. В итоге были депортированы тысячи предполагаемых диверсантов. Палмер объявил, что красные планируют свергнуть американское правительство 1 мая 1920 года. Когда в назначенный день революции не произошло, доверие к Палмеру пошатнулось, но жестокость и истерия не прекратились. 16 сентября при взрыве бомбы на Уолл-стрит погибло 38 человек.

Непоколебимый в своем антибольшевизме, Гувер, судя по всему, считал истерию по поводу “красной угрозы” необоснованной и раздутой. К лету 1921 года “красная угроза” спала, но многие американцы по-прежнему не видели разницы между большевиками и русскими, а потому помощь одним в их глазах была помощью другим. Но Гувер настаивал, что не стоит их путать: “Мы должны отличать российский народ от группы, захватившей власть”<sup>51</sup>. Более того, репутация врага большевизма помогла Гуверу найти в Америке поддержку гуманитарной миссии в России, не позволяя никому предположить, что на самом деле он хочет спасти от гибели молодой советский режим.

26 июля, всего через три дня после отправки списка условий, Гувер получил от Горького ответ, в котором говорилось, что советское правительство благосклонно отнеслось к его предложению. Два дня спустя Лев Каменев, бывалый большевик, давний товарищ Ленина, председатель Моссовета и глава Комитета помощи голодающим, от имени правительства прислал Гуверу официальное письмо о принятии помощи<sup>52</sup>. Он обещал освободить американских заключенных и предложил немедленно обговорить все условия для начала великой миссии с целью спасения погибающих.

---

<sup>51</sup> Patenaude B. Op. cit. P. 135.

<sup>52</sup> Weissman B. Op. cit. P. 48.

## Глава 3

### Рижский договор

Переговоры начались 7 августа в Риге, столице новой независимой Латвии. В американскую делегацию вошли директор АРА в Европе Уолтер Лайман Браун из лондонского отделения агентства и его помощники Сирил Куинн, глава АРА в Польше, и Филип Кэрролл, руководивший отделением АРА в Германии. Советскую сторону представлял Максим Литвинов, заместитель народного комиссара по иностранным делам РСФСР. Заядлый курильщик Литвинов прекрасно владел английским, обладал даром убеждения и был мастером переговоров – умным, хитрым, непреклонным. Однажды из кармана его пальто на стол переговоров выпал револьвер. Куинн испугался, что, если все большевики такие, как Литвинов, американцам несдобровать.

За два дня до встречи Ленин велел Каменеву поторопиться с освобождением американских заключенных, и советское правительство вовремя выполнило эту задачу. Но стоило делегациям приступить к переговорам, как Литвинов отверг два главных условия АРА: право выбора регионов для работы и право на организацию местных комитетов помощи без вмешательства советского правительства. Также возникли разногласия насчет свободы передвижения сотрудников АРА внутри страны и по вопросу, кто будет осуществлять контроль за распределением продовольствия и других поставок – АРА или советские власти. Что касается американцев, Браун хотел откреститься от обещания помочь миллиону детей, данного Гувейром в телеграмме Горькому, и предлагал вместо этого не указывать конкретное число, а дать слово накормить как можно больше голодающих. Он также добавил общее для всех стран, где работала АРА, требование явным образом пометить, что все склады, конторы, транспортные средства, железнодорожные составы и кухни, задействованные в операции, принадлежат Американской администрации помощи, и при возможности изобразить на вывесках начальника агентства, Герберта Гувера. Раз уж АРА брала на себя огромный труд по помощи российскому народу, то хотела, чтобы все знали, кто именно им помогает.

Стена недоверия разделила делегации. Американцы опасались лишиться независимости и потерять контроль над миссией, которая в таком случае сведется к передаче поставок советскому правительству. Они предлагали помощь на своих условиях, намереваясь по возможности накормить всех нуждающихся, а не только преданных сторонников режима, и старались не допустить, чтобы советское правительство использовало их в своих целях. Советская делегация опасалась почти всего – и главным образом того, что истинная цель миссии заключается в свержении правительства.

Страдая от бессонницы и ужасных головных болей, Ленин с замиранием сердца следил за ходом переговоров из Москвы. 11 августа он отправил Литвинову радиограмму: “Будьте настороже, старайтесь уловить намерения, не давайте нахальничать”. Он хотел, чтобы ему в подробностях докладывали о происходящем в Риге. Ознакомившись с условиями американцев, Ленин пришел в ярость, и особенно его разозлило требование не вмешиваться в дела сотрудников АРА, когда они окажутся в России. Гувер и Браун были “сугубыми подлецами”, как он в тот же день написал ответственному секретарю РКП (б) Вячеславу Молотову, который при Сталине займет пост наркома иностранных дел. “Надо наказать Гувера, *публично* дать ему *пощечины*, чтобы *весь мир* видел”, – настаивал Ленин. Он потребовал, чтобы Литвинов поставил “условия *архистрогие*: за малейшее вмешательство во внутренние дела – высылка и арест”<sup>53</sup>. “Красная газета” уловила настроение в заметке “Грек Гувер и его дары”: АРА в ней

---

<sup>53</sup> Ленин В. И. В.М. Молотову для Политбюро ЦК РКП(б) // ПСС. М., 1970. Т. 53. С. 110.

сравнивалась с современным троянским конем, подаренным, чтобы подстегнуть контрреволюцию<sup>54</sup>. По утверждению газеты, если АРА позволят войти в Советскую Россию, ее деятельность нужно будет не просто отслеживать, а взять под строгий государственный контроль.

---

<sup>54</sup> Weissman В. Op. cit. P. 61; Patenaude В. Op. cit. P. 103.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.